

ПРОЛОГ

Король Харальд Косматый¹ пировал, отмечая победу над непокорными ярлами² в битве при Хаврсфьорде. Пиршество длилось уже более месяца, мокрую осень сменили зимние снегопады, а викинги Харальда все еще не считали, что достойно отметили великую победу.

В длинном помещении было жарко и душно от пылавшего в очаге огня и человеческого дыхания. В воздухе носились то брань, то хвалебные песни. Гости конунга веселились, повесив свое оружие на вбитые среди тканых ковров железные крюки, — в знак доброй воли и того, что обнажат его только в честном поединке, а не в пьяной драке. Гостей было столько, что хватило бы собрать войско для большого похода викингов. Но сейчас, с набитыми животами, у них не было желания хвататься за оружие, они охотнее вспоминали о бывших сражениях.

Все новые и новые блюда водружали рабы на столы пирующих, но пресытившиеся гости больше пили, чем ели; многие, захмелев, падали под столы со скамей, и женщинам, разносившим рога с напитками, приходилось перешагивать через бесчувственные тела героев.

Сам король Харальд восседал на возвышении среди пирующих, раскрасневшийся от браги и вин, в съехавшей до кустистых бровей короне чеканного золота с пламенеющими грубоотшлифованными рубинами. Он улыбался и, щурясь от дыма, слушал, как знаменитый скальд³, держа в руке огромный рог, громко декламировал хвалебную песнь о его победе:

Кто не слышал
О схватке в Хаврсфьорде
Великого конунга?..
Спешили с востока
На битву струги —
Все драконьи пасти
Да острые штевни...

¹ Харальд Косматый, или Прекрасноволосый, (860—940) — владелец норвежской области Вестфольд, который, став конунгом (королем), вел постоянную борьбу с родовой знатью и непокорными викингами за главенство в стране. В битве при Хаврсфьорде (ок. 900) он разбил объединенные силы противников, окончательно утвердив свою власть в Норвегии. *(Здесь и далее примеч. авт.)*

² Ярл — князь.

³ Скальд — воин-поэт.

Гости конунга, сидя на длинных скамьях вдоль стен, одобрительно галдели, поднимая во славу победителя рог с пивом, и пламя поленьев, горевших в длинных очагах в центре покоя, отбрасывало багровый отблеск на лица воинов.

Харальд улыбался. Теперь его больше не называли Косматым, а величали Харальдом Прекрасноволосым. Когда-то давно, еще честолюбивым юношей, он дал клятву, что не станет расчесываться и стричь волосы, пока не покорит всю Норвегию. И вот теперь наконец-то он достиг своей цели, и его ближайший сподвижник ярл Регнвальд из Мера отрубил длинную косу короля, а раб-цирюльник из далекой Византии по-ромейски гладко выбрил ему щеки, напмадил и завил концы волос. Время исполнить обет пришло. И хотя уцелевшие после поражения викинги и некоторые из ярлов не спешили явиться к нему на поклон, предпочитая отсиживаться в своих вотчинах, Харальд уже знал, что власть в его руках. А на недавнем тинге¹, когда он обрек на пожизненное изгнание молодого смутьяна Ролло, старшего сына самого Регнвальда из Мера, за то что тот осмелился вопреки приказу Харальда собирать страндхуг², никто в стране, даже отец Ролло, не посмел воспротивиться воле Харальда.

Да, Харальд знал, что может считать свою власть неоспоримой. И сейчас, вгрызаясь зубами в бараний бок, вытирая руками, униженными перстнями, текущий по подбородку жир, он чувствовал себя истинным правителем. Посмеиваясь, наблюдал за царящим вокруг весельем. В центре, между пылающими очагами, двое его соратников затеяли веселую возню: забравшись на плечи двум другим своим товарищам, били друг друга мешками с опилками, стараясь свалить противника на землю. Остальные подзадоривали их, крича и стуча кубками о стол. Женщины на дальних скамьях, расположенных перпендикулярно к мужским, визгливо смеялись, тыча в сражающихся пальцами. Неистово лаяли возбужденные суматохой псы. Стоял страшный шум, который, однако, не в силах был разбудить тех, кто уснул во хмелю.

Харальд даже поморщился, когда на него сонно навалился, храпя открытым ртом, Регнвальд из Мера. Отпихнул. Регнвальд лишь рыкнул что-то и свалился под стол, растянувшись между грызущими кости псами. Великий ярл Регнвальд. Соратник и друг, не перечивший своему конунгу, даже когда тот изгонял из страны его сына. Правда,

¹ Тинг — народное собрание на открытом воздухе, где обсуждались важнейшие дела королевства.

² Страндхуг — взимание со свободных земледельцев-бондов продовольствия для похода викингов. Король Харальд отменил страндхуг.

многие поговаривали, что между отцом и сыном никогда не было родственных чувств. А некоторые замечали, что у них-то и общей крови — не более чем снега в пламени очага, даже намекали на то, кто был истинным отцом смутьяна Ролло. Но так или иначе, а на тинге Регнвальд смолчал. И лишь его жена Хильдис — женщина-скальд из знаменитого рода Рольва Носатого — осмелилась просить за сына.

Хильдис всегда была красавицей. Этому медведю из Мера повезло взять в жены женщину прекрасную, как светлый эльф, которая даже с годами не перестала пленять мужской род своей хрупкой красотой. Харальд не раз замечал другу, как тому повезло с женой, но Регнвальд обычно угрюмо отмалчивался и лишь один раз, хватив лишку заморского вина, проболтался, что взял в жены женщину холодную, как одна из дочерей ледяного великана. И тем не менее, кроме Ролло, она родила Регнвальду еще двух сыновей — такого же грубого, неуклюжего, всегда себе на уме, как и отец, Торира Молчуна и хрупкого, болезненного малыша Атли. И все же любимцем Хильдис всегда оставался именно ее первенец — Ролло.

Тогда, после тинга, она явилась к Харальду. Но, как ни умоляла его, как ни плакала, Харальд, которому давно надоели дерзкие выходки и непочтение Ролло, ответил ей отказом. Тогда женщина-скальд сложила такую вису¹, которая стала известна всей Норвегии:

Не напрасно ль Ролло,
Словно волка, крова
Вы лишили, волю
Гневу дав, владыка?
Страшно спорить с лютым:
Людам князя сладить
Едва ли с ним удастся,
Коль в лесу ляжет.

Хильдис оказалась права. Ролло, объявленный вне закона, ушел в горные леса, собрал шайку таких же, как и сам, отчаянных головорезов-изгнанников, и они стали грабить людей Харальда, жечь его усадьбы, разбойничать на дорогах. Давно уже в Норвегии не творилось таких бесчинств, и люди говорили, что рановато Харальд поспешил отрезать свою знаменитую косу, если ему не по силам навести порядок в королевстве, совладать с мальчишкой, которому не исполнилось и двадцати зим. И тогда настоящий отец молодого смутьяна, Регнвальд

¹ Виса — импровизированное короткое стихотворение или строфа в поэзии скальдов.

из Мера, пообещал конунгу изловить непокорного сына и на аркане доставить его к Харальду Прекрасноволосому. Однако его вылазка в горы окончилась бесславно. Ролло первым выследил отца, сжег усадьбу, где тот остановился, вместе со всеми воинами, выпустив лишь женщин и детей. Отпустил он и отца своего, хотя Регнвальд клялся, что предпочел бы погибнуть. Когда местные пастухи увидели, как по каменистой горной тропе спускается жалкая кляча, на которой лицом к хвосту восседает связанный голый человек, на обеих ягодицах которого вырезана перевернутая руна «альгис» — знак поражения, они долго хохотали, но потом, сжалившись, дали несчастному несколько обрывков шкур, дабы он мог прикрыть свой обесчещенный зад. Они и вообразить не могли, что перед ними сам могущественный ярл Регнвальд. Но потом, когда весть об этом разлетелась по Норвегии, многие догадались, кто был тем человеком с исполосованной задницей, ибо все видели, что ярл Регнвальд долгое время предпочитал есть лежа на боку и наотрез отказывался совершать верховые поездки. Но если раны на ягодицах, пусть медленно, но все же зарубцовывались, то уязвленная гордость ярла не заживала. Он был так подавлен, что сам Харальд, желая хоть чем-то утешить друга, отдал ему Оркнейские острова, где тот мог бы править как король. Но Регнвальд отправил туда своего брата Сигурда, ибо сам дал обет не покидать Норвегии и поклялся, что либо изгонит сына за пределы страны, либо собственноручно пронзит его осиновым колом, как оборотня.

Сейчас же Регнвальд храпел, как прирезанный боров. Мир пьяных сновидений освобождает человека от мучений уязвленной гордости. Король Харальд поудобнее поставил на спящего ногу, а сам глядел туда, где гостей веселили рабыни-танцовщицы, тоже изрядно подвыпившие, разнuzданные, визгливо хохотавшие, когда мужчины хватали их, пытались перетащить к себе через столы. Было уже за полночь — время, когда знатым и порядочным женщинам следует покинуть пир, оставив мужчин одних.

Как раз в это время Харальд увидел, как одна из его жен, прекрасная Снэфрид, дочь Сваси¹, несет ему последний рог.

На миг Харальду показалось, что и пир, и окружавшие его люди куда-то исчезли. Он видел лишь одну свою красавицу финку. Конунг знал, что многие осуждают его за столь сильное влечение к женщине лапландских кровей, среди которых, как гласит молва, каждая вторая — ведьма. Снэфрид действительно знала руны и заговоры, а так-

---

¹ Сваси — распространенное финское имя, означающее: финн.

же множество магических обрядов, но Харальд не видел в том большого вреда. Порой, особенно когда за ними закрывались створки их большой, похожей на деревянный ларь кровати, он и сам начинал верить, что она колдунья, ибо ее искусство в любовных делах было таково, что конунгу не хотелось потом и глядеть на других жен и наложниц. Но воистину он не имел ничего против такого колдовства!

Со временем многие привыкли, что загадочная необщительная Снэфрид стала самой близкой для конунга. Поэтому, когда умерла его главная жена, датская принцесса, и он заявил, что во время весенних жертвоприношений заключит со Снэфрид брак по полному обряду¹ и объявит ее своей королевой, большинство ярлов и свободных бондов приняли это как должное. И теперь Снэфрид величали иначе: не низкородной ведьмой, а, точно валькирию, — Снэфрид Сванхвит Снэфрид, Лебязьебелая. Сейчас, когда она несла рог, величаво шествуя среди огней, гомон смолк и скальды только восхищенно бормотали, поднимая кубки: «О земля ожерелий, поляна гривен, калина злата...»²

Снэфрид была высокой, с точеной фигурой. Даже жесткая парча платья и украшенный вышивкой передник, схваченный над грудью драгоценными пряжками, не скрывали вызывающей округлости линий ее сильного тела. Она двигалась медленно, едва отрывая ступни от устланного соломой пола, и при этом все ее тело будто жило своей, необъяснимой, особенной жизнью, притягивая взоры мужчин. Харальд не желал слышать сплетни, которые распускали его недруги: якобы Снэфрид одно время весьма милостиво относилась к мятежному Ролло. Нет, это скорее сам дерзкий мальчишка Ролло, желая позлить конунга, приставал к Снэфрид, пока Харальд не объявил ее во всеуслышание своей женой.

Сейчас же, когда Снэфрид с тихой полуулыбкой остановилась перед конунгом и протянула ему полный турий рог, он внезапно вспомнил их первую встречу, когда он прибыл в усадьбу Сваси и старшая дочь хозяйина Снэфрид вышла ему навстречу, так же предлагая гостю полный рог, а он вдруг осознал, что сойдет с ума, сторит в жгучем огне, если не утолит с ней вспыхнувшего пламенем желания. А когда старый Сваси заупрямился, не желая класть дочь в постель к требовательному гостю,

¹ В X веке в Скандинавии существовало два вида брака: неполный, без соблюдения всех полагающихся обрядов, и полный — когда женщина становилась полноправной хозяйкой в доме супруга.

² Имеется в виду: воплощение женственности. Подобные иносказательные выражения назывались кенингами.

Харальд уговорил его, предложив купить Снэфрид, — он дал Сваси много золота, сделал его хозяином обширных плодородных земель у побережья и даже усыновил трех его маленьких сыновей, пообещав сделать их ярлами и вырастить со своими кровными детьми. С тех пор он больше не расставался со Снэфрид. Сейчас же, любуясь красотой супруги, Харальд в который раз подумал, что не прогадал при сделке. Он обожал Снэфрид, не мог на нее надышаться, насмотреться. О, эта ее ласковая, словно полусонная улыбка! Это гладкое и белое, как моржовая кость, лицо, будто светящееся изнутри! У Снэфрид был яркий чувственный рот, тонкий орлиный нос и самые диковинные изо всех, какие ему доводилось видеть, глаза. Миндалевидные, чуть оттянутые к вискам, они придавали лицу женщины хищное рысье выражение, но главное — один глаз ее был аспидно-черным, словно вобравшим в себя весь мрак и мерцание ночи, а другой — светло-голубым, как холодное небо над фьордами в солнечный ветреный день, как снежный отблеск в ночи. И еще у нее были самые прекрасные в мире волосы — светлые, как шкурка белого горноста, вьющиеся тугими завитками, которые поддерживал надо лбом янтарный обруч. Пока Снэфрид была неполной женой Харальда, она не носила этого головного убора замужней женщины и ее великолепные кудри пышными волнами падали до колен, укрывая ее словно плащом. Глядя на нее, Харальд вдруг почувствовал, что уже устал и от пиров, и от еды, и от песен скальдов. Сейчас ему больше всего хотелось запустить пальцы в волосы своей финки, запрокинуть ей голову, прильнуть к мягкому податливому телу.

Тем временем Снэфрид смотрела на мужа в ожидании, протягивая дымящийся напиток, и ее соболиная бровь нетерпеливо дрогнула.

— Пей же, мой повелитель! Это горячее вино с восточными пряностями, которые называют корицей и кардамоном.

Харальд принял рог. На этом сосуде когда-то сама Снэфрид вырезала руны-обереги, и он должен был разлететься на части, если бы недруг вздумал опоить конунга. Рог был огромным, его нельзя было поставить на стол, и поэтому волей-неволей приходилось пить до дна. Вино и в самом деле оказалось восхитительным. Прикрыв глаза, Харальд тянул его, слыша, как галдят вокруг викинги. Достойным считался тот, кто, опорожнив такой рог, оказывался в состоянии сидеть и дальше на пиру, сохраняя ясную голову. Харальд же считал себя достаточно умелым в питье и поэтому лишь довольно улыбнулся, возвращая Снэфрид сосуд. Он еще успел различить ее торжествующую улыбку, но сейчас же ему показалось, что все окружающее стремительно удаляется: стих шум, погасло мерцание огней, замолк

перезвон чаш... Будто дым, клубившийся под сводами кровли, опустился вниз, окутав все вокруг. Лишь бледным видением мелькала вдали светлая фигура Снэфрида. Харальд вяло удивился тому, что вино так мгновенно повлияло на него, но в следующий момент ему уже неимоверно хотелось спать. Голова казалась такой тяжелой, что конунг даже снял венец, надев его, как простой браслет, на руку. Где-то в глубине души шевельнулось смутное беспокойство, но он не решился показать его, чтобы не выглядеть трусом. Ведь он пил из рога, поднесенного самой Снэфрид!

Среди огней мелькали полуголые тела, сверкало занесенное оружие, раздавалось пение, бренчали струны: воины плясали крока-мол¹. Харальд хотел было присоединиться к ним, но ноги не повиновались ему. Снова появилась какая-то тревога. Вспомнив, что Снэфрид ушла не в восточную часть дома, в крыло для женщин, а в противоположную — к выходу, Харальд поразился тому, что сразу не отметил этого. Подавшись вперед, он заставил себя взглянуть в сторону выхода. Там, на высоких подставках, пылали две чаши с тюленьим жиром. меховой полог, закрывавший прямоугольник двери, был откинут, и Харальд мгновенно похолодел, заметив стоявшего в дверном проеме мужчину. Перед глазами конунга мелькали силуэты пляшущих, метались тени, стелился едкий дым, но даже неяркого пламени светильников хватило, чтобы узнать эту возвышавшуюся над большинством присутствующих фигуру, мощные квадратные плечи, длинные, до плеч, волосы, чисто выбритый надменный подбородок... Ролло! Его заклятый враг Ролло! Харальд не мог ошибиться. Различил даже пряжку плаща на левом плече, дабы не мешать левой руке выхватывать из ножен меч, а кому не известно, что Ролло — левша! Как смел этот мальчишка явиться на пир к своему недругу?! Ролло стоял у входа, прямо глядя в лицо конунгу. В пламени светильников в его взгляде блеснуло что-то волчье, свирепое. У Харальда мелькнула мысль, что Ролло пришел отомстить и теперь сожжет конунга со всеми приспешниками в запертой усадьбе. Но почему тогда он пришел сюда один?

И тут он получил ответ. Снэфрид, его светлая Снэфрид, приблизилась к Ролло, и тот накинул ей на плечи меховой плащ. Она сразу, не оглядываясь, вышла. Ролло же на миг задержался, и Харальд увидел, как его зубы хищно сверкнули в усмешке.

Харальд попытался броситься следом, но не смог, лишь захрипел, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Он сумел только пнуть

---

¹ Крока-мол — воинственная пляска с мечами, сопровождающаяся пением.

Регнвальда, и тот что-то рыкнул во сне. А лихие напевы крока-мола сливались с криками:

— Конунг пьян! Конунг пьян! Слава Харальду Прекрасноволосому!

Под эти вопли Харальд уронил лицо на полуобглоданную кабанью тушу и погрузился в тяжелый наркотический сон.

На дворе стояла глухая морозная ночь. Сытые псы даже не залаяли, заметив скользящие человеческие тени. Скрипел снег, клубился пар от дыхания. Двое беспрепятственно миновали пристройки, никого не встретив, и Ролло с облегчением снял руку с рукояти меча. Снэфрид услышала его вздох и тихонько засмеялась, прильнув к своему спутнику.

— Сейчас самое время подпереть двери усадьбы и сжечь их всех.

— Нет, — отрезал викинг. — Там и Регнвальд, и мой второй брат — Торир. Не хочу, чтобы Хильдис жила с мыслью, что я их убийца.

Не замеченные никем, кроме ущербной луны, они достигли зарослей ельника, откуда доносилось позвякивание сбруи привязанных лошадей. Из-за деревьев показались ожидавшие их воины, вооруженные копьями и круглыми, переброшенными за спины щитами.

— Ну наконец-то!

Ролло лишь негромко засмеялся, похлопывая по холке высокого коня. У беглецов были не маленькие лохматые лошадки местной породы, а длинноногие, сильные кони с Рейна. Такие кони стоили очень дорого, их было мало в Норвегии.

— Что так долго? — спросил один из ожидавших, молодой викинг с выбивавшимися из-под меховой шапки светлыми височными косицами. — Или эта дуса брачных уборов¹ сопротивлялась?

Ролло уверенно, с улыбкой притянул к себе Снэфрид.

— Она? О нет! Видишь ли, друг Олаф, я все же не смог удержаться, чтобы не послать лохматому Харальду последнего приветствия.

Олаф наигранно ахнул, покачал головой. Но был он весельчак и балагур, к тому же скальд, и тут же стал шепотом декламировать придуманную на ходу хвалебную песнь в честь Ролло, пока другой, пожилой викинг в рогатом шлеме поверх меховой шапки, сердито не шикнул на него.

— Тролли, что ли, помutilи ваш разум? Чем скорее мы уедем, тем верней останется с нами наша удача. — И покосился на женщину. —

¹ Женщина (кенинг).

Хотел бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы сын моего друга так рисковал ради тебя?

Разноцветные глаза финки блеснули недобрый светом из-под пушистого меха капюшона. Но старый викинг уже не смотрел на нее.

Он усмехнулся в бороду, глядя, как легко, не касаясь стремени, вскочил в седло Ролло. Вздохнув, проворчал с нежностью в голосе:

— Да, видели бы тебя сейчас те, кто зовет тебя Пешеходом, как твоего отца! У старого Ролло никогда не было такой ловкости. А на коне он выглядел будто мельничный жернов на брачном ложе, клянись Одином¹, Христом и Аллахом!

— Это потому, что у него не было таких коней, Кетиль, — прищипывая своего жеребца, ответил Ролло.

А потом была бешеная скачка под звездным небом. Ролло понимал, что, чем дальше они успеют уехать, тем крепче будут сидеть их головы на плечах. И хотя Снэфрид уверяла, что от ее зелья Харальд проспит не менее трех суток, нельзя было поручиться, что кто-нибудь не обнаружит исчезновения супруги короля и не снарядит погоню. Поэтому они безостановочно мчались почти целые сутки, лишь меняя лошадей на подставах, предусмотрительно подготовленных Ролло. С каждой сменой их отряд рос, и теперь единственное, что волновало Ролло, — долго ли сможет выдержать эту скачку Снэфрид. Но финка держалась в седле, как валькирия², и к вечеру они достигли старой усадьбы матери Ролло в горах, далеко от проезжих дорог.

Хильдис, предупрежденная о том, что, возможно, это будет ее последняя встреча с сыном, с факелом в руке вышла встретить прибывших и лишь слабо ахнула, увидев, как сын снимает с седла ту, которую в этих краях звали Белой Ведьмой. Тем не менее она молча осветила им дорогу в боковую клеть, куда Ролло отнес на руках буквально рухнувшую с коня Снэфрид.

То, что финка смертельно утомлена, он понял, когда уложил ее на тюфяки из гагачьего пуха и Снэфрид не потянулась к нему с обычной страстью, а тут же погрузилась в полудремотное состояние. Он расшнуровал и стянул с нее сапожки, стал растирать ей затекшие в стременах ноги. Женщина слабо застонала и на миг приоткрыла глаза. В неверном свете лучины она разглядела встревоженное лицо Ролло, заботливо склонившегося над ней. Чуть улыбнувшись ему, она погрузилась в сон. Но до конца своих дней Снэфрид, дочь Сва-

¹ Один — верховный бог в древнескандинавской мифологии.

² Валькирии — небесные девы-воительницы, живущие в небесном чертоге богов Валгалле и уносящие туда души павших в сражениях смертных воинов.

си, беглая королева Норвегии, будет помнить этот взгляд человека, ради которого она пожертвовала всем.

Когда Ролло прошел в главную постройку усадьбы, его люди уже сидели за столом, с жадностью поглощая дымящуюся овсяную кашу с селедкой. С некоторым удивлением Ролло обнаружил среди них своего младшего брата Атли. Это был худенький десятилетний мальчик с бледным лицом и синими, как у Хильдис, огромными глазами. Он был болезненным от рождения, и Регнвальд не раз имел повод пожалеть, что, когда мальчик родился, его не отнесли в лес, оставив там умирать. Все знали, что по ночам Атли задыхается, что он слаб и болезнен и из него никогда не выйдет настоящего воина. Регнвальд стыдился его. Но Ролло, который и сам был нелюбимым сыном в семье, с детства привязался к братишке, и мальчик искренне отвечал на чувства своего блистательного старшего брата. И все же сейчас Ролло был несколько озадачен, увидев его здесь.

Хильдис молча поставила перед ним тарелку, а на вопросительный взгляд Ролло спокойно проговорила:

— Я хочу, чтобы ты забрал Атли с собой. Ты сможешь отвезти его в Упсалу¹, где жрицы сумеют вылечить его. К тому же Атли никогда не будет воином, но, как потомок хорошего рода, он может стать жрецом в одном из святилищ наших богов.

Ролло, однако, выразил недовольство. Отправлять мальчишку с ним, изгнанником, которого наверняка станут преследовать!.. Разумно ли это? Не лучше ли матери послать Атли в Упсалу вместе с отцом или с Ториром, когда мужчины весной поплывут в те края?

Хильдис вздохнула:

— Видят боги, что я разрываю свое сердце, стремясь сразу расстаться с тобой и малышом. Но разве ты запомнил, Ролло, что Регнвальд уже дважды пытался убить младшего сына, которого считает позором для себя?

Ролло нечего было на это возразить. Его мать была мудрой женщиной, и она понимала, что Атли не прожить и месяца в этих краях, если он лишится защиты старшего брата. Викинг хмуρο взглянул туда, где сидел мальчик. Атли был худ, иссиня-бледен, да и выглядел гораздо моложе своего возраста. Красивым его тоже нельзя было назвать, весь пошел в деда — Ролло Носатого. Однако умом боги не обидели мальчика. Сейчас, глядя на мать и Ролло, он явно догадывался, о чем идет речь, и вся его хрупкая фигурка и встревоженный взгляд выражали беспо-

¹ Упсала — центр языческого культа скандинавов на территории Швеции.